

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 3, с. 250–261

ΑΝΤΙΦΩΝΤΟΣ ΛΟΓΟΙ

АНТИФОНТ РЕЧИ

Перевод с древнегреческого и комментарии *И.Е. Сурикова*

VI. Ο ΧΟΡΕΒΤΕ

Точное время написания речи неизвестно. В прошлом, случалось, ее относили к 412 г. до н.э.¹ Но ныне речь практически без колебаний считают произнесенной в 419/418 г. до н.э.² Таким образом, перед нами единственное датирующееся с точностью до года из полностью сохранившихся произведений Антифонта (с точностью до года датируется также его последняя речь – «О перевороте», но от нее дошли лишь фрагменты), а также, выходит, самая ранняя его судебная речь (во всяком случае, из тех, которые имеются в нашем распоряжении). Художественные достоинства речи признаются довольно высокими.

Дело слушается в суде Паллады. Речь является защитительной. Клиент Антифонта (имя его, к огромному сожалению, не известно) – немолодой уже афинянин, знатный и богатый, входящий в состав политической элиты и, судя по всему, даже принадлежащий к числу наиболее видных государственных деятелей своего времени, причем придерживающийся

Окончание. Начало см. ВДИ. 2015. № 1. С. 228–253; № 2. С. 245–270.

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

¹ Freeman 1952, 85.

² Dover 1950, 44; Heitsch 1980, 3; 1984, 90; Antiphon and Andocides 1998, 73, 87–88. Not. 40 – в этом примечании исчерпывающим образом объяснено, почему именно датировка 419/418 г. до н.э. является инвариантной.

консервативных взглядов, позиционирующий себя врагом демагогов (таким образом, он был единомышленником самого Антифонта).

На этого гражданина была наложена литургия: его назначили хорегом, и он должен был подготовить хор мальчиков для выступления на одном из празднеств. В ходе обучения хороводов одному из них дали какое-то лекарство (очевидно, чтобы улучшить голос), от которого мальчик скончался. Родственники умершего обвинили хорега в неумышленном убийстве. Подзащитный Антифонта в своей речи подчеркивает, что инцидент с лекарством произошел в его отсутствие и без его ведома; следовательно, лично он ни в чем не виновен. Кроме того, он заявляет, что процесс имеет чисто политическую подоплеку: иск возбужден по наущению его врагов – демагогов Филина³, Аристиона и других, ибо незадолго до того хорег выступил против них с серьезным обвинением и они хотели избавиться от обвинителя.

В этой речи Антифонта, таким образом, политические мотивы наиболее сильны. Похоже, здесь перед нами одна из тех речей, которые Антифонт в качестве логографа составлял для своих соратников, противников радикальной демократии (ср. Thuc. VIII. 68. 1)⁴. Исход дела неизвестен.

Содержание

Сколько в Афинах хорегов и для чего они назначаются, и скольких мальчиков их заставляют обучать – это мы точно знаем из речей Демосфена. Так вот, во времена оратора Антифонта некто получил по жребию должность хорега своей филы Эрехтеиды, а заодно и Кекропиды; и он в своем доме обучал мальчиков, которым предстояло выступать в хоре. Одному из них ради улучшения голоса дали выпить какое-то зелье, а выпив, он умер. Итак, отец умершего мальчика обвиняет хорега в том, что он собственноручно совершил это убийство. Хорег же оправдывается, отрицая факт убийства. Статус речи предположительный. Ведь⁵ поскольку предмет обвинения не ясен, обвинитель принимает в качестве очевидного доказательства то обстоятельство, что мальчики упражнялись в доме хорега: это хотя и не влечет ответственности, но наводит на подозрение.

1. Для того, кто является человеком, приятнее всего, граждане судьи⁶, чтобы его жизни не угрожала никакая опасность, и в молитве⁷, пожалуй, можно попросить именно об этом. Но даже если и нагрянет опасность, то пусть по крайней мере будет так (а я считаю, что в подобном деле это главное), чтобы сам человек сознавал свою невиновность. Нет, если уж и несчастье случится, пусть случится оно без порока и позора, по вине случая, а не преступления. 2. И законы, которые приняты об этих делах, всеми могут быть восхвалены как прекраснейшие и благочестивейшие из всех⁸ принятых законов. Ведь так получается, что они – самые древние в нашей стране⁹; стало быть, они всегда гласят одно и то же об одном и том же, а ведь это – лучший признак того, что законы составлены хорошо; ибо время и опыт показывают людям, что не является хорошим. Так что не подобает вам на основании слов обвинителя исследовать законы – хороши они или нет. Напротив, вы

³ Филин был братом гораздо более известного Клеофонта (о них см. Vanderpool 1952; Raubitschek 1954). Оба брата-демагога, разумеется, принадлежали к числу врагов Антифонта. У оратора была и специальная речь «Против Филина», от которой сохранилось лишь несколько фрагментов (*Antiph. fr.* 61–64 Blass–Thalheim).

⁴ Ср. Erbse 1963.

⁵ Слово отсутствует в рукописях, добавляется в издании Бласса–Тальхейма.

⁶ Дело слушается в Палладии. В этом суде коллегия эфетов разбирала дела о неумышленных убийствах. Тем не менее обвиняемый, обращаясь к судьям, употребляет выражение *δικασταί*.

⁷ В самом начале речи выступающие нередко прибегали к такому приему, как молитва богам. Собственно, вступление как таковое воспринималось в некотором смысле именно как молитва.

⁸ Слово «всех» добавлено в издании Жерне.

⁹ Речь идет, разумеется, о тех же самых законах Драконта.

должны на основании законов исследовать их¹⁰ слова: доказывают ли они вам что-либо согласно с истиной и законами или же нет. 3. Итак, этот судебный процесс имеет величайшее значение для меня, поскольку я нахожусь в опасности и подвергаюсь обвинению. Но я, со своей стороны, считаю, что и для вас, судей, очень важно выносить правильные решения в делах об убийствах – прежде всего ради богов и благочестия, а затем и ради вас же самих. Ведь процесс по таким делам только один¹¹; если в нем не будет вынесено правильное решение, он окажется сильнее справедливости и истины¹². 4. Ибо неизбежно, если вы вынесете обвинительный приговор, человек, который и не убивал и не причастен к этому делу, будет вынужден подчиниться вашему решению: по закону он будет лишен города, святынь, состязаний¹³, жертвоприношений – всего того, что людям особенно ценно и искони свойственно¹⁴. Ведь такое обязательство налагает закон, так что даже если кто-нибудь убьет человека из числа подвластных ему и некому будет за того отомстить, все-таки убийца, страшась установленных обычаев и божественного гнева, будет вести себя благочестиво и воздержится от посещения мест, перечисленных в законе, надеясь, что такой образ действий с его стороны будет наилучшим¹⁵. 5. Ибо у людей большая часть жизни заключается в надеждах; а человек, поступающий нечестиво и нарушающий божественные установления, тем самым может лишиться себя и самой надежды, которая для людей является высшим благом¹⁶. И никто не может дерзнуть ни преступить уже вынесенный приговор, – даже будучи убежден, что он не причастен к делу, – ни отказаться подчиниться закону, вполне сознавая, что он сам это дело совершил. Приходится подчиниться приговору даже вопреки истине, приходится подчиниться и самой истине, даже если некому мстить за убитого. 6. Из-за этого-то самого и законы, и клятвы, и жертвы для скрепления клятв, и запрещения, и, в общем, все остальное, что бывает, когда начинается процесс об убийстве, – все это сильно отличается от обстоятельств в других процессах. Потому-то и сами дела, ради которых люди подвергаются опасности, в таких случаях нужно многократно более тщательно расследовать! Ведь тщательное, справедливое расследование будет мщением за жертву преступления, а если объявить убийцей человека невиновного, то это – проступок и нечестие по отношению к богам и законам¹⁷. Причем не одно и то же – когда обвинитель несправедливо обвиняет и когда вы, судьи, выносите несправедливый приговор. Ибо его обвинение еще не является решением, а решение зависит от вас и от вашего приговора. А если уж вы что-нибудь решите не по справедливости, тогда некуда будет обратиться, чтобы оправдаться от обвинения.

¹⁰ Обвинителей.

¹¹ Вероятно, имеется в виду, что процессы об убийствах относились к категории ἀγώνες ἀτίμητοι и, соответственно, не включали в себя вторую часть с вынесением отдельного приговора о мере наказания.

¹² В этой речи выступающий – видный политик, человек богатый и знатный, к тому же уже молодой, – обращается к судьям не «снизу вверх», как обвинитель в речи «Об убийстве мачехи», и даже не «на равных», как Евксифей в речи «Об убийстве Герода», а очевидным образом «сверху вниз». Невозмутимо, даже несколько утомленно (образ государственного мужа, уставшего от дел) он разъясняет дикастам некие элементарные истины.

¹³ Или «судебных процессов» (слово ἀγών может быть понято и в этом смысле). Возможно, Антифонт намеренно допускает двусмысленность.

¹⁴ В случае, если подсудимого в Паллади признавали виновным в неумышленном убийстве, смертная казнь ему не грозила, однако ему приходилось покинуть полис, ибо наказанием за такое деяние было изгнание.

¹⁵ Явное риторическое преувеличение. На самом деле хозяин, убивший собственного раба, мог, конечно, не опасаться каких-либо правовых последствий.

¹⁶ Имеется в виду, насколько можно понять, следующее: если неумышленный убийца подчинится приговору и уйдет в изгнание, то у него еще остается надежда в будущем примириться с родственниками жертвы, заплатить выкуп и возвратиться на родину. Если же он приговору не подчинится, ни на какое снисхождение рассчитывать ему уже не приходится.

¹⁷ Многие нотки, звучащие в этой речи, очень близки к высказываниям обвиняемого в предыдущей – «Против Герода».

7. Я же, граждане, придерживаюсь не такого мнения относительно защитительной речи, какого обвинители придерживаются относительно речи обвинительной. Ибо они говорят, что преследуют меня судебным порядком ради благочестия и справедливости, однако свою обвинительную речь целиком построили на началах клеветы и обмана – а ведь это несправедливейшая для людей вещь. Не то чтобы они, изблотив меня в каком-то преступлении, справедливо желают меня наказать; нет, они клеветуют, чтобы я, даже если ничего преступного и не совершал, был наказан и изгнан из нашей страны¹⁸. 8. А я желаю, прежде всего, отвечать по самому делу и изложить перед вами все, что произошло. Затем я намереваюсь оправдаться относительно других вещей, в которых эти люди меня обвиняют, если вам приятно будет это слушать. Ведь я считаю, что мне это принесет честь и пользу, а обвинителям и клеветникам – позор. 9. Вот что ужасно, граждане: если я совершил какую-либо несправедливость по отношению к городу, – будучи ли хорегом или при каких-нибудь иных обстоятельствах, – пусть им будет позволено, доказывая и всю изблывая, и покарать врага и помочь городу; но пока еще никто из них не оказался в состоянии уличить этого человека¹⁹ в несправедливости – ни малой, ни большой – по отношению к вашему народу. А в этом процессе, хотя они обвиняют меня в убийстве, а соответствующий закон гласит, что в обвинительной речи нужно говорить строго по делу, – они мошенничают, сочиняя против меня лживые речи и клеветы, будто я враждебен городу. А если уж нанесен вред городу, то полагаются официальное обвинение, а не частная месть; а они говорят, что пострадал город, но при этом считают возможным возбуждать по такому вопросу частный иск²⁰. 10. Однако эти обвинения не заслуживают ни милостивого отношения, ни доверия. А именно: во-первых, тут не тот случай, когда обвинитель возбуждает дело, чтобы снискать благодарность от города и в связи с таким преступлением, за которое город должен отплатить, поскольку он потерпел ущерб²¹. Во-вторых, кто вчиняет иск по одному делу, а в обвинительной речи говорит о другом, – тому, нужно полагать, подобает скорее не доверять, чем доверять. А я-то примерно знаю ваше мнение: вы не можете ни осудить, ни оправдать на основании чего-либо иного, кроме самого рассматриваемого дела. Ведь это и благочестиво, и справедливо. Начну я вот с чего.

11. Когда я был назначен хорегом для праздника Фаргелий²² и получил по жребию учителем хора – Пантакла²³, а для набора хоревтов – филу Кекропиду вдобавок²⁴ к моей собственной филе [то есть Эрехтеиде]²⁵, я исполнял обязанности хорега наилучшим и справедливейшим образом, как только мог. И прежде всего я обустроил помещение для занятий в той части моего дома, которая была для этого наиболее удобна: именно там я занимался обучением хора и тогда, когда был хорегом на Дионисиях²⁶. Затем я набрал хор – тоже по возможности наилучшим образом: никому не причинил ущерба, ни с кого насильно не

¹⁸ Здесь – первый намек на политическую подоплеку процесса; в дальнейшем эта тема будет развиваться подробнее.

¹⁹ Хорег имеет в виду себя. Необычный способ выражения (посредством третьего лица), возможно, знаменует иронию.

²⁰ Δίκη, в противоположность γράφη.

²¹ Трудное для понимания место, возможны и иные интерпретации.

²² Фаргелии – праздник в честь Аполлона и Артемиды, справлявшийся в начале одиннадцатого месяца афинского календаря, из-за чего и сам этот месяц именовался *фаргелионом* (примерно соответствует нашему маю). В дни Фаргелий проводились, помимо других праздничных мероприятий, состязания хоров, как взрослых, так и детских. В данном случае обвиняемый был назначен хорегом для подготовки одного из детских хоров.

²³ Второстепенный поэт, о котором практически ничего не известно.

²⁴ На Фаргелиях состязания проходили между пятью хорами; соответственно, каждый хор представлял две филы. В данном случае хорег мог набирать мальчиков-хоревтов из своей филы Эрехтеиды, а также из Кекропиды.

²⁵ Слова, заключенные в квадратные скобки, обычно атетируются издателями как позднейшая поясняющая вставка.

²⁶ Имеются в виду Великие Дионисии и проходившие на них состязания трагедий и комедий.

брал задатка²⁷, никому не стал врагом, – нет, все получилось как нельзя более приятно и удобно и для меня, и для родителей. Я побуждал и просил, а люди охотно и по собственному желанию посылали в хор своих детей²⁸. 12. А когда мальчики пришли, во-первых, мне было недосуг лично присутствовать и заниматься ими: так получилось, что у меня тогда было судебное дело против Аристиона²⁹ и Филина³⁰, которому я придавал большое значение, поскольку я обвинил их посредством исангелии³¹ и желал истинно, справедливо доказать все Совету³² и остальным афинянам. Но я и об этом подумал: поручил заботиться на случай, если хору что-нибудь понадобится, Фанострату³³ – гражданину из одного дема с вот этими обвинителями, а моему зятю (я выдал за него дочь); я считал, что он проявит наибольшее усердие. 13. А кроме него, я дал такое же поручение еще двум людям: Амению³⁴ из Эрехтеиды, которого сами члены этой филы назначили, чтобы он всегда набирал из нее хоревтов и заботился о них, – он слыл человеком порядочным, – и другому [...] из Кекропиды, который, по обыкновению, всегда набирал хоревтов из этой филы. Был еще и четвертый, Филипп, который имел предписание покупать что укажет учитель или кто-нибудь другой из них, и нести на это траты, – чтобы мальчики обучались как можно лучше и чтобы ни в чем не имели нужды из-за моей занятости. 14. Вот так я исполнял обязанности хорега. А если я тут что-то лгу ради оправдания, обвинитель в следующей речи³⁶ имеет право уличить меня в том, в чем ему угодно³⁷. Но на самом деле всё так и есть, граждане! Многие из этих людей, стоящих вокруг³⁸, точно знают все описанные дела; они слушают слугу, принимающего клятвы, и думают обо мне и о том, как я защищаюсь. Мне бы хотелось и их заставить считать, что я соблюдаю клятву, и вас, говоря правду, убедить оправдать меня. 15. Итак, прежде всего я докажу вам, что я не приказывал мальчику пить это зелье, и не принуждал, и не давал ему его, и вообще не присутствовал, когда он его пил. И я говорю это совершенно не для того, чтобы себя самого вывести из-под обвинения, а кого-нибудь другого под него подвести. Ни в малейшей мере! Обвиняю я только судьбу, которая, полагая, и для многих других людей стала причиной смерти. Ее ни я и никто другой не смог бы отворотить, сделать так, чтобы не случилось то, что каждому суждено...³⁹

²⁷ Естественно, многие граждане хотели видеть своих детей в составе хора. Возникла своеобразная конкуренция, которая могла порождать конфликтные ситуации. Надо полагать, некоторые хореги пользовались своим положением и получали от родителей скрытые взятки в виде «задатка». Можно представить себе и ситуации противоположного характера, когда родители по каким-либо причинам не хотели отдавать ребенка в хор (а хорег имел право потребовать его) и опять же откупались взяткой.

²⁸ Обвиняемый подчеркивает, что умерший мальчик был взят в хор с добровольного согласия его семьи, а не по принуждению.

²⁹ Однозначной идентификации личность этого демагога не поддается. Так же звали архонта-эпонима 421/420 г. до н.э., но для его отождествления с упоминаемым здесь лицом нет достаточных данных.

³⁰ Филин, сын Клеиппиды, – достаточно известный демагог эпохи Пелопоннесской войны, брат куда более знаменитого Клеофонта. У Антифонта была речь «Против Филина», от которой сохранились лишь незначительные фрагменты.

³¹ Тип судебного иска, использовавшийся, как правило, для возбуждения процессов по серьезным (часто политическим) преступлениям. Об исангелии см., в частности: Hansen 1975; Кудрявцева 2008, 270 слл.

³² Исангелия подавалась либо в Совет Пятисот, либо непосредственно в народное собрание.

³³ Из других источников не известен. Имя в Афинах весьма распространенное.

³⁴ Об этом лице (равно как и об упоминающемся чуть ниже Филиппе) можно сказать ровно то же самое, что и о Фанострате.

³⁵ Имя утрачено.

³⁶ Как известно, в афинских судебных процессах обвинитель и обвиняемый говорили по две речи (если процесс относился к категории *ἀγών τιμῆτος*, – то по три, но в судах по делам об убийствах таких процессов не бывало).

³⁷ Здесь следуем чтению Жерне.

³⁸ Это – граждане, наблюдающие за судебным процессом в качестве зрителей.

³⁹ Лакуна в тексте.

16. Итак, граждане, относительно этого дела вам было засвидетельствовано то, что я и обещал⁴⁰. Исходя из этого самого и следует решать относительно того, в чем поклялись эти люди и в чем я, – кто из нас был более правдив и верен клятве. Они клялись, что я убил Диодота⁴¹, умышленно подстроив его смерть⁴²; а я клялся, что не убивал его, ни собственноручно, ни посредством злодейских замыслов. 17. Они обвиняют исходя из тех соображений, что виновник – это тот, кто приказал мальчику выпить зелье или принудил его к этому, или дал ему питье. А я исходя из тех же самых соображений, на основании которых они меня обвиняют, докажу, что не причастен ни к чему подобному: ведь я и не приказывал, и не принуждал, и не давал зелья. И прибавлю еще к этому, что я даже не присутствовал, когда он пил. И если они говорят, что преступник – тот, кто приказал, то я не преступник: я не приказывал. И если они говорят, что преступник – тот, кто принудил, то я не преступник: я не принуждал. И если они давшего зелье называют виновным, то я невиновен: я ничего не давал. 18. Понятно, обвинять и оговаривать позволено любому желающему: ведь каждый сам в этом волен. Однако я считаю, что от их слов не может стать случившимся то, что не случилось, и не может стать преступником тот, кто не совершал преступления: тут дело решают справедливость и истина. Ведь когда дела делаются тайно и замышляется убийство, свидетелей быть не может, и в таких случаях неизбежно приходится предпринимать расследование на основании самих слов обвинителя и защищающегося. При розыске приходится относиться к тому, что говорится, с некоторым подозрением, а при вынесении приговора по таким делам – руководствоваться скорее предположениями, чем твердым знанием. 19. А тут, прежде всего, сами обвинители признают, что смерть мальчика случилась без всякого умысла или предварительной подготовки; а кроме того, дела-то все происходили совершенно явно, в присутствии многих свидетелей, взрослых и детей, свободных и рабов. Из их показаний было бы более чем ясно, что кто-либо совершил преступление, и в наибольшей степени изобличилось бы, если бы стали обвинять невиновного⁴³.

20. Стоит обратить внимание, граждане, на обе вещи: и на намерения моих противников, и на то, каким способом они приступают к делу. Ибо с самого начала отнюдь не одинаковым образом поступают они по отношению ко мне и я по отношению к ним. 21. Ведь вот этот Филократ⁴⁴, войдя в гелиею фесмофетов⁴⁵ в день, когда мальчика хоронили, заявил, что его брата убил я, во время занятий хора принудив его выпить зелье. И уж коль скоро он это заявлял, я, войдя в суд, сказал тем же судьям, что Филократ несправедливо предваряет законное решение, обвиняя и оклеветывая меня перед судом в то время, как мне буквально на следующий день предстоят процессы против Аристиона и Филина: именно из-за них он и говорит эти слова. 22. Конечно, – говорил я, – его обвинение и клевета с легкостью будут разоблачены как ложь: ведь есть много свидетелей – и свободных, и рабов, и младших, и старших, а всего более пятидесяти. Они знали всё – и слова, которые были сказаны насчет питья этого зелья, и то, что было сделано⁴⁶. 23. И я говорил это в суде, и

⁴⁰ А именно – что снадобье хоревту было дано в отсутствие хорега и без его ведома, т.е. лично он ни в чем не виновен.

⁴¹ Только тут мы впервые узнаем имя умершего.

⁴² На современном юридическом языке речь шла бы об обвинении в преступной халатности: мальчик умер, в конечном счете, потому, что хорег, отвечавший за свой хор, увлекся политическими играми и не уделял подопечным должного внимания, препоручив хоревтов сторонним лицам. Но в античном греческом праве таких категорий, как «преступная халатность», естественно, не существовало, да и в целом правовая терминология была еще достаточно примитивной; в подобных случаях обвиняли в «планировании неумышленного убийства», что для нашего уха, конечно, звучит дико.

⁴³ В издании Бласса–Тальхейма далее допускается (хотя и не постулируется однозначно) наличие лакуны.

⁴⁴ Старший брат умершего мальчика, являвшийся обвинителем. В делах об убийствах официально обвинять могли только родственники жертвы.

⁴⁵ Та коллегия гелиеи, которая заседала под председательством архонтов-фесмофетов.

⁴⁶ Жерне, как нам представляется, справедливо исключает далее слова – «и сказано». В издании Бласса–Тальхейма предложен вариант «и случилось», но это плеоназм.

призывал этого человека⁴⁷ разобрать дело тотчас же, а потом призывал снова – на следующий день, перед теми же судьями. Я побуждал его прийти к присутствующим судьям, взяв с собой столько свидетелей, сколько он хочет (я называл ему каждого по имени), допросить и испытать их: свободных – так, как подобает допрашивать свободных, которые ради себя самих и ради справедливости сообщили бы, как оно было поистине. А рабов – если ему при допросе покажется, что они говорят правду, то так же; но если нет – я готов был выдать ему на пытку всех моих, а если он заставит выдать и чьих-то чужих, я соглашался, убедив хозяина, предоставить и их ему для пытки любым способом, как он пожелает. 24. И хотя я так призывал и говорил в суде, где в качестве свидетелей присутствовали и сами судьи, и многие другие, частные лица, – обвинители ни тогда, тотчас же, ни позже, в какое-нибудь иное время, вообще никогда не пожелали прибегнуть к этому законному средству: они прекрасно знали, что оно стало бы не для них уликой против меня, а для меня уликой против них, доказательством, что в их обвинении нет ничего ни справедливого, ни истинного. 25. А вы знаете, граждане, что пытка для людей – самое действенное и сильное средство и улики, полученные с ее использованием, – самые верные и надежные в правовых вопросах⁴⁸. Так бывает в случаях, где среди свидетелей много свободных, но есть и рабы, причем позволено принуждать свободных говорить правду с помощью клятв и ручательств – для свободных это самые сильные и важнейшие средства, – а рабов позволено принуждать к этому другими средствами, именно пытками: от них они, даже если им из-за их показаний предстоит умереть⁴⁹, все-таки вынуждены говорить правду. Ведь наличие бедствия для каждого имеет большее значение, чем бедствие предстоящее. 26. Итак, я призвал их ко всему этому, и у них была возможность разузнавать, что истинно и справедливо, из тех источников, из которых, во всяком случае, следует разузнавать такие вещи тому, кто является человеком; и никаких отговорок у них не оставалось. И я – виновник и преступник, как они заявляют, – был готов предоставить им законнейший способ найти улики против меня самого! А обвиняющие и объявляющие себя пострадавшими – эти-то самые люди не желают изблечить меня, в чем это они пострадали. 27. И если бы они меня призывали, а я не пожелал бы назвать присутствовавших⁵⁰, или они бы спрашивали слуг для пытки, а я бы не желал их выдавать, или уклонялся бы от какого-нибудь иного их предложения, – они сам этот факт представили бы как сильнейшее свидетельство против меня, что обвинение было справедливым. А когда я призываю, а они выступают в роли уклоняющихся от получения улик, нужно полагать, что сам этот факт становится для меня прекрасным свидетельством против них, что несправедливым было⁵¹ обвинение, которое они мне предъявляют⁵². 28. Но знаю я еще и вот что, граждане: что, если бы присутствовавшие тогда свидетели⁵³ стали давать показания против меня, в пользу обвинителей, эти люди воспользовались бы именно их свидетельствами как главнейшими и объявляли бы, что они-то и есть самое надежное доказательство [– свидетели, дающие показания против меня]⁵⁴. Однако сами

⁴⁷ Филократа.

⁴⁸ Нередкая в афинских судебных речах похвала пытке.

⁴⁹ Имеется в виду, что хозяин, против которого дал свидетельское показание его раб, может из мести умертвить этого раба, пользуясь правом господина, и не примет в расчет, что показание было получено под пыткой.

⁵⁰ Имеются в виду лица, присутствовавшие при событии, которое повлекло смерть мальчика, и могущие вследствие этого выступить в качестве свидетелей.

⁵¹ Здесь следуем чтению Жерне.

⁵² Суть только что завершившегося пассажа такова. Обвиняемый предлагает обвинителям пытать рабов для выяснения вопроса о его присутствии или отсутствии при даче лекарства, прекрасно понимая, что те откажутся: такая процедура им не только не нужна, но и невыгодна, поскольку ясно, что хорега в тот момент действительно не было в помещении для занятий и ничего иного рабы не покажут. Хорег все точно просчитал, и расчет оказался верным: обвинители действительно не приняли вызов, и обвиняемый с максимальной пользой для себя воспользовался этим в своей речи.

⁵³ То есть очевидцы того, как мальчику было дано лекарство и как он от этого умер.

⁵⁴ Слова, помещенные в квадратных скобках, некоторыми издателями (например Жерне) исключаются как позднейшая вставка. Видимо, таковой они и являются (и, во всяком случае, ничего нового к смыслу фразы не прибавляют). Впрочем, в издании Бласса–Тальхейма эти слова не атетируются.

свидетели показывают: то, что я говорю, – правда, а то, что эти люди говорят, – неправда. И обвинители подучивают вас не доверять свидетелям, раз они дают показания в мою пользу⁵⁵, а говорят, что вам следует верить их, обвинителей, собственным словам, хотя эти слова я изобличил бы во лживости, даже если бы говорил без свидетелей⁵⁶. 29. Однако странно было бы, если одни и те же свидетели, давая показания в пользу этих людей, были бы достойными доверия, а давая показания в мою пользу, – оказались бы недостойными доверия. И если бы свидетели совсем не присутствовали при деле, а я бы их привел, или не привел бы присутствовавших, а вместо них – каких-нибудь других, то, вероятно, слова обвинителей были бы вернее, чем мои свидетели. А когда и свидетели подтверждают, что они присутствовали, и сам я привожу именно присутствовавших, и⁵⁷ прямо с первого дня как я, так и все свидетели ясно говорим вам ровно то же самое, что и теперь, – как следует, граждане, устанавливать достоверность истины и недостоверность лжи, если не из этих самых фактов? 30. Ведь когда кто-нибудь на словах вещает о происшедшем, а свидетелей не предоставляет, то в таком случае говорят, что этим словам не хватает свидетелей. А когда человек свидетелей предоставляет, но доказательств, согласных с показаниями свидетелей, не приводит, при желании можно сказать нечто подобное. 31. Так вот, я-то даю вам показания правдоподобные, с моими словами согласуются слова свидетелей, а со свидетелями – сами события и доказательства на основании этих событий. А тут еще вдобавок – два самых сильных и важных довода: с одной стороны, эти люди⁵⁸ изобличены и сами собой, и мной, а с другой стороны, я оправдан и ими, и сам собой. 32. Ибо, – поскольку хотя мне и самому хотелось быть уличенным в том, в чем они меня обвиняют, они не хотели уличить⁵⁹, если и потерпели какой-то вред, – конечно, они оправдывали меня и сами стали свидетелями против себя в том, что обвинение их ничуть не справедливо и не истинно. Но если я, вдобавок к своим собственным свидетелям, и самих противников имею моими свидетелями, – куда еще нужно мне идти и какие еще предъявлять доказательства, что я оправдан от обвинения?

33. Итак, я считаю, что на основании сказанного и предъявленного, граждане, справедливо было бы вам вынести мне оправдательный приговор, а также что все знают: это обвинение не имеет ко мне никакого отношения. А чтобы вы еще лучше это узнали, – для этого я скажу пространнее и докажу вам, что эти обвинители – самые злостные нарушители клятв и самые большие нечестивцы из всех людей, что они достойны того, чтобы их из-за этой вот тяжбы ненавидел не только я, но и вы все, и остальные граждане. 34. Ведь они в первый день, когда умер мальчик, да и на следующий, когда его тело лежало в доме, сами же не желали обвинять меня и совершать в этом деле какую-нибудь несправедливость⁶⁰; нет, они были со мной в общении и вели беседы. А вот на третий день, когда мальчика хоронили, именно там их уговорили⁶¹ мои враги, и они начали готовить обвинение и объявлять, что мне запрещается находиться в оговоренных законами местах⁶². Итак, кто же были

⁵⁵ «В мою пользу» – дополнение, принимаемое большинством издателей.

⁵⁶ Как известно, в имперфекте (здесь употреблен именно он – *κατηγόρου*) совпадают формы 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа. Поэтому перевод, предлагаемый, скажем, М. Гагариным («они изобличили бы меня в лживости, если бы я говорил без свидетелей»), см. Antiphon and Andocides 1998, 83) тоже представляется имеющим право на существование.

⁵⁷ «И» – необходимое дополнение, как правило, принимающееся издателями.

⁵⁸ Обвинители.

⁵⁹ То есть отказались принять рабов для пытки.

⁶⁰ Следуем чтению Жерне.

⁶¹ Излюбленный афинянами эвфемизм, означающий «подкупили».

⁶² Если иск об убийстве принимался к рассмотрению, обвиняемому вплоть до суда запрещалось находиться в местах, считавшихся священными. В число последних входили Агора и многие другие общественные места. В данном случае для хороба это означало бы, помимо прочего, что он не сможет вести задуманный им судебный процесс против демагогов. По его идее, именно этого-то они и добивались, для чего и подкупили родственников умершего мальчика (ведь вчинить иск об убийстве могли, напомним, только родственники жертвы).

те люди, которые уговорили их⁶³? И ради чего они проявили такое рвение в уговорах? Следует мне и об этом вам рассказать. 35. Я намеревался выступить с обвинением против Аристиона, Филина, Амπεлина⁶⁴ и помощника секретаря⁶⁵ фесмофетов, вместе с которым они воровали. Я внес против них исангелию в Совет. И у них по их делам не было никакой надежды получить оправдание – таковы-то были их преступления. И они, уговорив этих людей возбудить иск и объявить, что мне запрещается находиться в оговоренных законом местах, полагали, что в этом и будет им спасение и избавление от всех забот. 36. Ибо закон гласит так: после того как против кого-либо возбужден иск об убийстве, этому человеку запрещается находиться в оговоренных законом местах. И я не мог бы преследовать их в судебном порядке, находясь под таким запрещением; а они, – поскольку я, внесший исангелию и знающий суть дела, не выступил бы их обвинителем, – легко были бы оправданы и не понесли бы от вас наказания за свои преступления. И такую хитрость Филин и другие придумали не против меня первого; еще раньше они так же поступили и с Лисистратом⁶⁶, как вы сами слышали. 37. И эти люди тогда со всем усердием бросились возбуждать против меня иск – прямо на следующий день после того, как хоронили мальчика, даже дом еще не очистив и не совершив того, что требует обычай в таких случаях. Только одно они старались соблюсти – чтобы это был тот самый день, в который первому из них предстояло идти под суд. И все это – для того, чтобы я ни против кого из них оказался не способен выступить обвинителем и предъявить суду их преступления. 38. Но после того как базилей прочел им законы и показал, что у него не хватит времени принять у них иск и провести слушания, какие положены⁶⁷, тут уж я, вызвав в суд людей, совершающих такие мошенничества⁶⁸, всех их уличил, и вы знаете, какое наказание было на них наложено. А обвинители мои ничем не смогли им помочь, хотя и получили от них деньги. И тогда они, подходя и ко мне самому, и к моим друзьям, стали просить о примирении и были готовы нести наказание за свои проступки. 39. И я под влиянием друзей примирился с ними на Диполиях⁶⁹ в присутствии свидетелей – тех самых, которые примирили нас перед храмом Афины⁷⁰. И после этого они общались со мной и беседовали – в святилищах, на площади, в моем доме, в их доме, да и в каком угодно другом месте. 40. Наконец – о Зевс и все боги! – вот этот самый Филократ в Булевтерий⁷¹, в присутствии Совета, стоя рядом со мной у трибуны, вел беседу, касаясь меня рукой; он обращался ко мне по имени, а я – к нему. Так что даже удивительным показалось членам Совета, когда они узнали, что мне объявлено о запрещении находиться в оговоренных законом местах – и объявлено теми, кто, как они сами виде-

⁶³ Похоже, здесь атетирование слова «их» (αὐτοῦς), предложенное Жерне, неуместно. В издании Бласса–Тальхейма это слово правильно сохранено.

⁶⁴ Об этом демагоге ничего не известно.

⁶⁵ Помощники секретарей (ὑπογραμματεῖς) – низшие должностные лица, содействовавшие магистратам в выполнении их обязанностей. На них лежала в основном техническая работа. Механизм их назначения не вполне ясен, но вряд ли они сами были избранными магистратами. Характерно, что здесь даже не названо имя помощника секретаря; можно предположить, что это было лицо достаточно низкого статуса.

⁶⁶ Возможно, этот Лисистрат тождественен тому, которого упоминает Аристофан (Vesp. 1302), – что интересно, в качестве лица, близкого к самому Антифону.

⁶⁷ Все процессы по делам об убийствах проходили под председательством архонта-царя (архонта-басилея) – одного из высших и древнейших должностных лиц афинского полиса (см. Gagarin 2000). Правда, при вынесении приговора сам он права голоса не имел. После подачи иска и до суда базилей должен был в течение трех месяцев провести три предварительных слушания дела. В данном случае базилею до окончания срока его пребывания в должности оставалось только два месяца. Опираясь на этот технический нюанс, он отклонил иск (подробнее см. ниже).

⁶⁸ Имеются в виду Филин и прочие упоминавшиеся демагоги.

⁶⁹ Диполии (Диниполии) – праздник в честь Зевса Градодержца, справлявшийся в середине *скирофорриона* – последнего, двенадцатого месяца афинского календаря, примерно соответствующего нашему июню.

⁷⁰ Имеется в виду Парфенон.

⁷¹ Помещение для заседаний Совета Пятисот. Булевтерий находился на Агоре, на ее западной стороне.

ли, еще накануне общался и беседовал со мной. 41. Посмотрите же и вспомните относительно меня, граждане: ведь я докажу это вам не только с помощью свидетелей, но и на основании самих дел, которые этими людьми совершены, вы легко узнаете, что я говорю правду. И прежде всего: они обвиняют базилея и заявляют, что моими стараниями он не пожелал принять у них иск, но это и будет уликой против них самих в том, что они говорят неправду. 42. Ибо базилею следовало после принятия иска провести три предварительных слушания в течение трех месяцев, а на четвертый месяц внести дело в суд – подобно тому, как это происходит теперь. А ему оставалось пребывать в должности только два месяца: *фаргелион* и *скирофорион*. И ясно, что он не имел возможности внести дело в суд в свой срок, а передавать другому дело об убийстве не разрешается⁷², и никогда в этой стране ни один базилей не делал этого. А раз он не мог ни внести дело в суд, ни передать его, он и не пожелал принимать иск вопреки вашим законам. 43. А что он не поступает несправедливо⁷³ по отношению к этим людям – вот тому главнейшее доказательство: ведь этот самый Филократ других должностных лиц, сдававших отчеты, смущал клеветническими доносами⁷⁴, однако этого базилея – хотя тот, по их словам, совершил страшные и ужасные дела, – он не пришел обвинять при сдаче отчета. Но какое же я мог бы предъявить вам еще более веское свидетельство, что он не потерпел несправедливости ни от меня, ни от базилея? 44. А когда вступил в должность нынешний базилей и им было позволено подавать свой иск в любой день, в какой они пожелают, начиная с первого дня месяца *гекатомбеона*⁷⁵ – а в этом месяце вообще-то тридцать дней, – ни в один из дней они иск не подали. И затем, начиная с первого дня месяца *метагитниона*⁷⁶, им тоже было позволено подавать иск в любой день, в какой они пожелают, – но они и тогда что-то иск опять не подали, а пропустили двадцать дней и этого месяца. Так что в целом у них прошло более пятидесяти дней – уже при нынешнем базилее, – в течение которых они имели возможность подать иск, но не подали! 45. И все другие, которым при том базилее не хватало⁷⁷ времени...⁷⁸ А эти люди знали все законы и видели, что я член Совета и вхожу в булевтерий. А в самом булевтерии есть святилище Зевса Советника и Афины Советницы, и входящие члены Совета там молятся. И я был одним из них и делал то же самое, и входил во все остальные святилища в составе Совета, и приносил жертвы, и молился за этот город; а кроме того, я исполнял обязанности притана в течение всей первой притании⁷⁹, за исключением двух дней, был и

⁷² Последнее утверждение вызывает доверие не у всех исследователей. Есть, в частности, и точка зрения, согласно которой базилей в данном случае был действительно лицом заинтересованным (возможно, другом или политическим соратником нашего хорега); потому-то он и отказал родственникам умершего мальчика в принятии иска, а ссылка на нехватку времени до конца года послужила для него лишь формальным поводом. Но это маловероятно. Ниже (VI. 45) эксплицитно говорится, что и какие-то другие граждане получили от того же базилея отказ по аналогичной причине.

⁷³ В издании Жерне глагол ἀδικέω стоит в настоящем времени, в издании Бласса–Тальхейма в имперфекте (тогда перевод будет «не поступал несправедливо»). Строго говоря, наиболее уместен здесь был бы аорист.

⁷⁴ Получается, Филократ также участвовал в политической жизни. Одной из форм такого участия «на низовом уровне» было как раз участие в приеме отчетов должностных лиц по истечению срока их пребывания в должности. Отчеты (εὐθύναι) давались магистратами обычно в массовых органах – гелиее, диастериях. И многие граждане, пользуясь случаем, задавали «неудобные» вопросы отчитывающимся.

⁷⁵ *Гекатомбеон* – первый месяц афинского календаря, приблизительно соответствующий нашему июлю.

⁷⁶ *Метагитнион* – второй месяц афинского календаря, приблизительно соответствующий нашему августу.

⁷⁷ Здесь опираемся на чтение Бласса–Тальхейма.

⁷⁸ Лакуна в тексте. Примерный смысл утраченной части фразы – «смогли подать свои иски при этом базилее».

⁷⁹ Афинский гражданский год (в отличие от традиционного архонтского, включавшего 12 месяцев) делился на 10 пританий. Пританы – дежурные члены Совета Пятисот. Совет состоял из десяти отделений – по 50 человек от каждой филы, и все эти отделения поочередно исполняли пританские обязанности. Притания, как ясно, была несколько длиннее месяца. В связи со всей этой проблематикой см. Samuel 1972, 57 ff.

иеропеем⁸⁰, и приносил жертвы за демократию, и ставил предложения на голосование, и предлагал свои собственные проекты, касающиеся весьма серьезных и важных для города дел, – одним словом, находился на виду. 46. Так вот, а они присутствовали, и были в городе, и имели возможность, подав иск, запретить мне все это, – но не пожелали подавать иск! А ведь им достаточно было просто напомнить о деле и обратиться на него ваше внимание, – если они и вправду потерпели от меня обиду, – как ради самих себя, так и ради города. Итак, почему же они не подавали иск? Потому, что общались со мной и вели беседы. Ибо и общались они со мной, не видя во мне убийцу, и иск не подавали по той же самой причине: не считали, что я убил мальчика или был причастен к его убийству, или имею к этому делу какое-то отношение. 47. Но могут ли быть более дерзкие или более склонные к беззаконию люди? В чем они сами себя не смогли убедить – в том они хотя и убедить нас. И в чем они сами же меня оправдали своими делами – за то предлагают вам меня осудить. Другие люди избобличают слова, опираясь на дела, а эти стараются, опираясь на слова, сделать дела не заслуживающими доверия. 48. Но если бы я ничего другого не сказал и не доказал и свидетелей не представил бы, а продемонстрировал бы вам только одно⁸¹ – что эти люди, когда получали деньги за выступление против меня, обвиняли и объявляли о запрещениях, а когда не оказалось того, кто им должен был деньги дать, общались со мной и беседовали, – уже этого самого было бы достаточно, чтобы вы, услышав, меня оправдали, а их считали самыми злостными клятвопреступниками и нечестивцами из всех людей. 49. Ибо какую тяжбу они не начнут или какой суд не обманут, или какие клятвы не дерзнут нарушить – они, которые и теперь, получив за выступление против меня тридцать мин от пористов, полетов, практиров⁸² и помощников секретарей (те им, а не секретарям, стали помощниками!), изгнав меня из булевтерия⁸³, принесли такие клятвы, что я, будучи пританом и узнав, какие страшные, ужасные вещи они творят, пожаловался в Совет и указал, что нужно при расследовании доискаться до истины дел⁸⁴. 50. И теперь эти люди несут наказание – и сами, и те, кто за них поручился [и те, у кого положены деньги на хранение]⁸⁵, – и содеянное стало ясным, так что и они не захотят с легкостью отрицать, да и не смогут: так уж у них сложились дела. 51. [Итак, в какой суд они не войдут с намерением обмануть или какие клятвы не дерзнут нарушить – эти нечестивейшие люди, которые знают, что вы – самые благочестивые и самые справедливые судьи из эллинов⁸⁶, и при этом приходят к вам с намерением вас обмануть, если получится, принеся подобные клятвы?]⁸⁷

⁸⁰ В данном случае, очевидно, не в техническом смысле (иеропеи – должностные лица религиозного характера, ежегодно избирающиеся по жребию в количестве десяти человек), а в том смысле, что обвиняемый, будучи булевтом и пританом, принимал участие и в организации сакральной жизни полиса. Обвиняемому в убийстве это, естественно, запрещалось самым решительным образом.

⁸¹ Слова «только одно» добавляем исходя из удачной и резонной конъектуры Жерне.

⁸² Второстепенные финансовые магистратуры в Афинах. Хорег избобличал занимавших их лиц в казнокрадстве, за что, по его словам, и стал жертвой судебного обвинения. Пористы ведали доходами полиса, в том числе изысканием денежных средств для экстраординарных государственных нужд; полеты отдавали на откуп государственные имущества, продавали конфискованные у преступников вещи; практиры взыскивали штрафы и долги, относительно которых были вынесены судебные приговоры.

⁸³ С момента вчинения иска об убийстве и до суда обвиняемый, согласно обычным в таких случаях запрещениям, не мог участвовать в заседаниях Совета Пятисот, даже если являлся его членом.

⁸⁴ Получается, что этот клиент Антифонта, будучи весьма влиятельным гражданином с обширными связями, в определенной степени задействовал «административный ресурс», чего он тут и не скрывает.

⁸⁵ Место в квадратных скобках иногда (в частности у Жерне) исключается как позднейшая вставка, хотя прямых оснований к этому нет. О каких деньгах идет речь – не вполне ясно; возможно, что о взятке, которая, по словам хорега, была обещана его обвинителям.

⁸⁶ Суд эфетов пользовался весьма высокой репутацией.

⁸⁷ Заключенное в квадратные скобки место в издании Жерне удаляется, в издании Бласса–Тальхейма сохраняется. Позиция Жерне нам отчасти понятна: параграф 51 – не лучший конец для речи. Позиция Бласса–Тальхейма нам тоже отчасти понятна: если атетировать параграф 51, конец речи все равно получается не лучшим. Мы склонны даже допустить (конечно, не настаивая на этом), что

Литература

1. *Кудрявцева Т.В.* 2008: Народный суд в демократических Афинах. СПб.
2. *Antiphon and Andocides* 1998: Antiphon and Andocides / Translated by M. Gagarin and D.M. MacDowell. Austin.
3. *Dover K.J.* 1950: The Chronology of Antiphon's Speeches // CQ. 44. 1/2, 44–60.
4. *Freeman K.* 1952: The Mystery of the *Choreutes* // Studies in Honour of G. Norwood / M.E. White (ed.). Toronto, 85–94.
5. *Gagarin M.* 2000: The Basileus in Athenian Homicide Law // Polis & Politics: Studies in Ancient Greek History Presented to M. Hansen on his Sixtieth Birthday / P. Flensted-Jensen et al. (eds.). Copenhagen, 569–579.
6. *Hansen M.H.* 1975: Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense.
7. *Heitsch E.* 1980: Recht und Argumentation in Antiphons 6. Rede. Philologische Erläuterungen zu einem attischen Strafprozeß. Wiesbaden.
8. *Heitsch E.* 1984: Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden.
9. *Raubitschek A.E.* 1954: Philinos // Hesperia. 23. 1, 68–71.
10. *Samuel A.E.* 1972: Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München.
11. *Vanderpool E.* 1952: Kleophon // Hesperia. 21. 2, 114–115.

подлинный конец речи не сохранился. Это последняя речь в корпусе, а с последними страницами манускриптов всякое могло случаться...